
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Калле КАСПЕР

СКУКА ВЕЧНОСТИ

Заметки о творчестве Азимова

Решил перечитать Азимова. Причина — хотите верьте, хотите нет — в коронавирусе. Я вдруг вспомнил, что в одном из романов Азимова люди (или гуманоиды) живут обособленно друг от друга и общаются при помощи компьютеров — очень похоже на то, что происходит сейчас. Но я не помнил, в каком именно произведении такой мир был описан, и поэтому просто взял и стал читать все подряд.

Калле Каспер — поэт, прозаик и драматург. Родился в 1952 году в Таллине. Окончил отделение русской филологии Тартуского университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (теоретический курс). Автор нескольких романов, в том числе эпопеи «Буридапы» в восьми томах (премия Таммсааре), пяти сборников стихов на эстонском и одного на русском (под гетеронимом Алессо Гаспари). Двукратный лауреат премии журнала «Звезда». Стихи Каспера печатались в журналах «Звезда», «Новый мир», «Нева» и «Литературная Армения», а эссе — в журналах «Звезда», «Нева», «Палимпсест», «Традиция и авангард», «Восток—Запад» и др. Каспер — лауреат премии имени Ивара Иваска, многолетнего редактора журнала «World Literature Today», за сборник литературных эссе (2021). Автор 26 книг.

Начал с его новелл, и вот — первое наблюдение, наверняка хорошо известное всем, кто в отличие от меня бешено любит фантастику (мне ее читать трудно, обычно она плохо написана, в смысле стиля), — Азимов одним из первых обратил внимание на то, как стремительно меняется мир и какие в связи с этим возникают все новые и все более сложные проблемы. Он многое предугадал — но интересно не то, что он предугадал, а то, чего он НЕ предугадал; а не предугадал он развала СССР, в его творениях эта страна еще в 2020 году продолжает свое существование; вот вам ответ, почему человечество живет так плохо, как оно живет — а как бы оно могло жить лучше, если его самые светлые умы так беспомощны там, где дело касается главного — развития истории¹.

Центральная тема новеллистики Азимова — искусственный интеллект. Азимова интересуют как отношения между человеком и рядовым роботом, так и человека с суперкомпьютером, которого он называл Мультиваком. Иногда драматические, иногда комические, новеллы строятся на парадоксах, это — любопытное чтение, но не более. Мир роботов — внешний мир, а он по сравнению с миром внутренним поверхностен, поэтому такое быстро забывается.

Как ни странно, свое самое главное произведение в «малом» жанре Азимов написал совсем о другом — о нашем сознании. Я имею в виду повесть «Хозяйка».

Идею двойственного характера сознания отмечали, а иногда даже разрабатывали многие писатели: и Кальдерон, и Пушкин, и Достоевский, и, конечно, Стивенсон, но все это имело чисто нравоучительный, в лучшем случае отвлеченно-философский характер — раздвоение только отмечалось, но в причины вторгнуться никто не смел, только фиксировали, что у каждого человека есть свое второе, скверное «я» — «черный человек», м-р Хайд и т. д. Пробовали психоаналитики, но и у них все получилось малоубедительно. Азимов предпринял более интересную попытку — разумеется, фантастическую: он выдвигает версию о неземном происхождении той части нашего сознания, которая инстинктивно настроена на агрессивное самосохранение. Не думаю, что он прав, но сама постановка вопроса оригинальна. Почему нам, мужчинам, хочется не просто обладать женщиной, но как можно большим количеством женщин и как можно более аппетитных? Почему мы раздражаемся, когда теряем деньги? Мы же все понимаем — ну не все, конечно, но продвинутая часть населения — понимаем, что тот, кто себя так ведет, не «я», что это какой-то зверь, влезший в наш мозг и управляющий оттуда нашими поступками, однако тем не менее это существо живет в нас, и мы с трудом справляемся с его «вызовами», а часто и не справляемся.

На самом деле это только полвопроса. Если продолжить размышления, то можно пойти и до второй половины: а что было бы, если бы этого «зверя» не существовало? Ответ, как известно, попытался дать Берджесс; но его идеи до масс в отличие от Гарри Поттера так и не дошли. Увы, человечество — ребенок, ему нужны сказки — издатели наконец это поняли.

Еще у Азимова есть одна, можно сказать, «альтернативная» не одной лишь жесткой «Хозяйке», но в целом всему его творчеству новелла — «Глазам дано не только видеть» — пожалуй, единственное его поэтическое произведение — о людях, в далеком будущем становящихся электроволнами и тоскующих по плоти, по любви. Очень трогательно. В этой короткой вещице Азимов больше писатель, чем где-либо.

«Стальные пещеры» тоже посвящены роботам; но не ограничиваются ими. Все-таки это не новелла, а роман, его надо заполнить «антуражем», и Азимов это делает, создавая модель будущего мегаполиса, где люди живут без свежего воздуха, под купо-

¹ То же самое можно бы сказать о Фукуяме, если бы он был «светлым умом»; о его ущербной теории «конца истории» я всегда был невысокого мнения.

лом, едят большей частью искусственную пищу (дрожжевые фабрики, добыча планктона) и вообще тратят свою жизнь в основном на выживание. По общественному строю это социализм, и Азимов при создании своего Нью-Йорка многое перенял у СССР — всеобщая бедность, а высшим должностным лицам — небольшие привилегии: собственный умывальник, куриная ножка... Что ж, все может быть, но дело в том, что в главном Азимов попал пальцем в небо — причину такой жалкой жизни он видит в перенаселении планеты, оказывается, в том его будущем на планете живет целых 8 миллиардов людей. Ну, нам с вами осталось до этого лишь полмиллиарда, и пока мало намеков на то, что все будет, как у Азимова².

Роману нужен и более основательный сюжет, чем новелле, Азимов выбрал детективную историю, у него неплохо получились образы главных героев, детектива и его «партнера», вземного робота, но собственно сюжет с политической окраской — малоинтересен.

В целом поразительно, что, демонстрируя прекрасную фантазию во всем, что касается технического и технологического развития, Азимов, когда дело доходит до социальных проблем, тускнеет и копирует действительность.

Продолжение «Стальных пещер», «Обнаженное солнце», — тот самый роман, который я искал, именно тут люди на некоей планете живут обособленно, правда, я неправильно помнил, что средством общения у них является компьютер, на самом деле они пользуются голограммой, личные встречи не предусмотрены, но нельзя сказать, что они запрещены — они жителям этой планеты противны. Когда-то их предки, выходцы с Земли, сумели выбраться в космос, не захватив с собой ни одной бациллы, они и сейчас живут в стерильном мире, а боязнь бацилл превратилась в боязнь живого существа вообще. Они живут по одному в своих поместьях, благо пространства много и они богаты, а повседневную работу за них делают роботы. Единственное неудобство — иногда кое-кому (к счастью, далеко не каждому) приходится «жениться», чтобы обзавестись ребенком, вернее, эмбрионом, которого немедленно передают в «эмбрионосад» или «ясли», сам процесс совокупления для них противен (интимная близость), но они, сцепив зубы, идут на это, дабы поддержать баланс населения — на каждого умершего один новый житель³.

Все это чрезвычайно злободневно, потому что то, как «борются» с коронавирусом, заставляя людей выдерживать «социальную дистанцию», именно к отчуждению и приводит. Рукопожатия отменены, не говоря об объятиях, знакомые, встречаясь на улице, кричат друг другу что-то с расстояния двух метров, а кое-где и не кричат, потому что не могут выйти на улицу: запрещено...

Вот так Азимов угадал то, чего он, вообще-то говоря, угадывать не собирался. Обычная история — открытия делаются случайно.

Третий роман из этой серии, «Роботы утренней зари», с детективом Бейли, слабее. Секс в фантастике оправдан только в качестве социологического параметра — какое место в том или ином мире он занимает, — а вот конкретный секс сразу становится малоинтересным: не тот жанр. Фантастика должна «работать» на мозги, а не на половой орган. Еще в этом романе Азимов делает прямо-таки фантастический промах: детектив Бейли «вычисляет» робота, который умнее людей, читает их мысли, руко-

² Возможно, это ошибка переводчика, но необязательно. В следующем романе этой серии цифра на русском другая — 8 миллиардов. Да, миллиард, если переводить с английского — миллиард, однако в американском варианте английского он все-таки миллиард (Мюллер. Англо-русский словарь).

³ Проблема оплодотворения у Азимова не описана, вернее, описана противоречиво, оно как будто происходит искусственно, но интимная близость тоже требуется; зачем тогда?

водит их поведением и... оставляет его неразрушенным. Конечно же, такого фрукта, какими бы положительными ни были его намерения, следовало уничтожить. Единственное, что интересно — кроме логики роботов, — это взгляд на наши привычки. Азимов тонко намекает на кое-какие обычаи землян, которые на другой планете не в чести, и наоборот — например, поведение в туалете, разное на разных планетах. Именно из таких «мелочей» складывается человеческая цивилизация, и именно на такие «мелочи» человек обычно не обращает внимания. Самое трудное в литературе — и вообще в жизни — задавать простые вопросы. Почему что-то так, а не как-то иначе?

Я не сказал о главной идее Азимова, связующей все три романа — проблеме выхода человечества в космос, — не сказал потому, что это как раз самое неинтересное, тут Азимов выступает не как писатель и не как мыслитель, а как проповедник, а тезисную литературу я не люблю.

Совсем тезисным становится Азимов в последнем романе этого цикла — «Роботы и империя». О людях тут уже речи почти нет, речь лишь о человечестве, причем переживают за человечество не люди, а роботы, они и есть герои этого романа, и один из них ценой своей «жизни» спасает человечество от гибели. Как он дошел до понимания этой необходимости, читатель узнает из долгих монологов и диалогов. Но главное, Азимов тут сам опровергает свой ранний постулат о том, что робот не должен вредить человеку — оказывается, вредить все-таки можно, если робот это делает во имя человечества.

Ну, во имя такой благой цели и до роботов совершенно немало преступлений.

Однако именно в этом романе Азимов сделал одно из своих наиболее интимных признаний, вложив его в уста женщины, солярианки Гледи:

«Если бы я сказала <...> о наступлении того времени, когда уже видел все, что хотел увидеть, и слышал все, что хотел услышать, когда уже невозможно думать о чем-то новом, забыть возбуждения и открытия чего бы то ни было, с каждым годом усиливающаяся скука?»

Несмотря на чудовищный перевод, наверно, можно понять, что Азимов думает о вечности?

Прочел еще немало новелл и повестей, а что-то и не дочитал, бросил. Когда я вижу в литературном произведении слово Тирания (с большой буквы), я сразу начинаю дергаться, а когда герой вытаскивает конституцию США, захопываю книгу. Не избежал этой участи и Азимов.

Кстати, любопытный момент, на который как-то обратила мое внимание Гоар⁴: у Азимова (да и у других фантастов) мир обязательно америкоцентричен и английский язык — неременная *lingua franca* будущей мировой цивилизации. Как все-таки американцы наивны и самоуверенны, прямо как подростки — в сущности, по уровню развития своей истории они подростки и есть.

В итоге я пришел к обратному от первоначального выводу: самая интересная у Азимова — все-таки тема роботов, проблему взаимодействия человека и робота он изучил досконально, и тут его логика работает наиболее точно. Он вообще чистый мыслитель, у него малоинтересные описания, так себе сюжет, но хороший диалог.

В литературном смысле одна из лучших его вещей — как мне кажется, «Немезида», роман менее известный, чем сага о роботах. Как я понимаю, это поздняя вещь: у раннего Азимова можно заметить парадоксальное неумение заглядывать в будущее — земляне легко могут выбраться в космос, освоить разные планеты, но заметки они хранят

⁴ Гоар Маркосян-Каспер, автор фантастической эпопеи «Четвертая Беты». Таллин: Соло, 2008—2013; М.: Литрес, 2020.

в микрофильмах. То есть до компьютера он не додумался; в «Немезиде» компьютеры уже вполне присутствуют, но не в них дело. Тема для Азимова не нова — освоение космоса землянами, однако на этот раз он не столь тезисен и более грамотен в литературном смысле, характеры обрисованы убедительно, сюжет четкий, интересный, действие дается в основном через диалог, и, как я сказал, это его наиболее сильная сторона. Может, в «Немезиде» нет таких откровений, как в «Хозяйке» или в «Стальных пещерах», но читается с интересом. К сожалению, здесь нас встречает один неприменный американский шаблон: женщины талантливее мужчин. То, что у девочки-героини интуитивные сверхспособности — нормально, женщины в интуиции часто превосходят мужчин, но что другая героиня, великий ученый, изобретший способ путешествовать быстрее скорости света, — женщина, это, пардон (можете считать меня «мужским шовинистом»), нереально. Во всем остальном она, впрочем, баба как баба.

Тем не менее роман увлекателен, и я могу его советовать всем, особенно тем, кого отпугивает литературная безграмотность фантастов, — тут все на хорошем уровне.

А вот «Основание» я бросил. Мне не понравилась изначальная идея Азимова — что может существовать человек, способный увидеть будущее на много веков вперед и даже им управлять. Говорю, как Станиславский: «Не верю».

С большим удовольствием прочел гексалогию Азимова о Лаки Старре. Как будто тривиальная история о супермене, но с какой потрясающей фантазией написана! Да и Лаки не обычный супермен, то есть тупой смельчак, умеющий лишь стрелять да щеголять приемами кун-фу или джиу-джитсу, нет, это умница, прекрасно разбирающийся и в науках, и в человеческой психологии, и в особенностях жизни на разных планетах. Они — планеты — на самом деле не меньшие герои, чем Лаки. Каждую из них Азимов характеризует с компетентностью ученого (правда, не имеющего новейших данных) и с воображением поэта. Пираты на астероидах, подводная жизнь на Венере, подземный разум на Марсе — чего только он на этот раз не придумал! Отбросив в сторону логику, он отдался чисто литературному творчеству. Слегка разочаровывает лишь концовка — как только приключения завершаются и начинается межпланетный конгресс, становится скучно.

Перечитал — дошла очередь — и «Конец вечности». Удивительно, что даже в этом романе, посвященном вроде бы теме перемещения во времени, в итоге оказывается, что главным для Азимова все равно остается стремление в космос, именно ради него герои уничтожают «вечность» вместе с упомянутыми перемещениями из 500 века в 1500-й и т. п. Мотив: если путешествуешь во времени и меняешь что-то в эпохах, то, увы, получается, как говорит герой, мир «безопасный и посредственный». Азимова же увлекает неизвестное, чужое, непредсказуемое — и все это на других звездах.

Больше у меня дома Азимова нет, если не считать его книг по истории, познавательных, но поверхностных — не специалист он в этой области, физику, химию, биологию — все это он знает прекрасно, а вот историю не лучше, чем на «хорошо». Но думаю, главное я прочел. Что сказать? Азимов — один из главных мыслителей XX века. Из-за ущербности современной философии идеи переместились в другие сферы деятельности человеческого ума, и в первую, пожалуй, очередь — в фантастику. «Общественно-научные» мысли у Азимова тривиальны, он — робот демократии, но вот что касается теории науки, поисков смысла жизни в новом мире, футуризма (не как литературного, а как философского течения), то тут ему равных нет. Венчает его творчество романтический призыв — то самое стремление к звездам.

Афоризмов у Азимова не так уж много, но два я крепко запомнил. Один как мантру можно повторять при изучении эпохи Джугашвили:

«Насилие — последнее прибежище некомпетентных». Другой мне не просто понравился, он мне близок — наверно, потому, что я сам от этого страдал, возможно, не меньше, чем Азимов:

«Люди любят смотреть на красивые тела, но отворачиваются, встретив острый ум».